

Ю.Ю. Карпов

«НОВЫЕ ГОРЦЫ» ДАГЕСТАНА: К ИЗМЕНЕНИЯМ СТЕРЕОТИПОВ И ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В СРЕДЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Горный Дагестан в настоящее время находится в движении — горцы выезжают на заработки в соседние края и области, уезжают за пределы родины предков на постоянное жительство. Это обусловлено экономическими, социальными, финансовыми обстоятельствами бытия последнего времени. Что происходит с ними в плане изменения культурных и социокультурных стереотипов? (О формировании нового культурного типажа речь идти не может из-за краткосрочности их проживания в новых местах).

Ведь таковые изменяются и у людей, продолжающих жить в горных районах. По моим наблюдениям, именно с разрушением колхозно-совхозной системы и неудачной попыткой возвращения в порядок мироустройства частных землевладельцев и хозяйственников подверглись разрушению системные начала горско-дагестанского строя бытия, который худо-бедно существовал в XX в. Полученные после раздела колхозно-совхозного имущества земельные наделы прокормить семьи горцев оказались не в состоянии, наблюдавшийся в первой половине 1990-х гг. бум возвращения к «дедовским» наделам не оправдал надежд, в результате чего возделывавшаяся веками (и даже при колхозном строе) земля к настоящему времени в очень большом количестве селений оказывается заброшенной.

Можно ли в данном случае говорить об изменении психологии крестьянина, жителя определенных районов, конкретного вероисповедания, представителя известной, очень специализированной, а именно горской культуры? Очевидно, да.

Что же тогда происходит с теми горцами, которые относительно давно или же совсем недавно покинули свою родину и обосновались на землях им (и их предкам) незнакомых и в разных отношениях им близких? Ведь еще в 1930-е гг. на призывы к переселению на равнину горцы отвечали категоричным отказом. Уже это свидетельствует о сохранении представителями местной культуры своей идентичности, которую в описательном виде можно свести к формуле — горский культурный мир, чему соответствует определенный социокультурный стандарт. Если же попытаться категоризировать это понятие, то оно будет включать в себя несколько основных социальных параметров. Набор их может обсуждаться, однако можно выделить несколько значимых критериев горско-дагестанской идентичности (отличающейся

от таковой жителей других горных территорий Кавказского региона). Подобная идентичность обуславливалась конкретными социальными практиками, а те, в свою очередь, неодинаковой ролью базовых в системообразующем и функциональном отношении институтов.

Для горного Дагестана таким базовым институтом являлась община или джамаат, а фигурантом второго плана была семейно-родственная группа, тухум, тогда как в других районах горного Кавказа их соотношение было иным. Соответственно групповая солидарность здесь проявлялась в первую очередь на общинном уровне, ибо была актуальна, по крайней мере, до недавних пор, в расширенном виде — на уровне микрорайона, объединяющего несколько селений, этнографического района, современных административных сельских районов. Фамильная, тухумная солидарность оказывалась на втором плане.

В условно традиционном обществе общинная солидарность проявлялась в заботе джамаатов о своей территориально-земельной целостности и одновременно рачительном использовании угодий всеми домохозяйствами. В современных условиях жизнедеятельности горных районов такая групповая солидарность донныне отчасти остается одним из системообразующих механизмов функционирования местных обществ.

Другим системообразующим принципом организации жизнедеятельности горско-дагестанских обществ резонно считать соревнование/конкуренцию/соперничество между общинами, тухумами, индивидами. Солидарность и соперничество не противоречат и не противостоят одна другому, так как их взаимодействие, поддерживая целостность небольших социальных, этнокультурных и т.д. групп, придавало внутреннюю динамику их функционированию, а тем самым и жизнеспособность. Приведу слова одного из своих информаторов о представителях конкретной этнической группы: «Они такие гордые, если один построил высокий каменный дом, то на следующий день другой разберет крышу своего дома и будет надстраивать его стены, чтобы они оказались самыми высокими». Подчеркну формулировку — «гордые», а не завистливые; и это вовсе не от плохого знания русского языка, но в свете интерпретации социокультурного стереотипа. Для достойного же соперничества и надлежащего участия в соревновании индивид должен едва ли постоянно быть внутренне мобилизованным, дабы в нужный момент проявить себя в лучшем свете, дать надлежащий ответ на вызов.

Что же происходит с социокультурной идентичностью и соответствующими стереотипами в среде проживания горцев?

В ходе организованного государством переселения горцев было создано несколько десятков новых сел на «плоскости», в части из них обустроивались жители только одного горного селения, в большинстве — разных, хотя с учетом национального признака. Однако большая часть переселенцев была расселена по существовавшим кумык-

ским селениям. В этих условиях не могло сформироваться трепетного отношения к земле, к территории своего проживания, как это имело место в горах. Существовали колхозы и совхозы как место приложения рабочей силы и обеспечения жизни. После распада оных, разделения земель или раздачи ее по участкам в аренду ничего не изменилось. На выделенных участках выращивают овощи, каждый сам по себе, иногда кооперируясь с родственниками и друзьями. Одновременно в новых условиях намного больше стали держать скота, он лучше позволяет обеспечивать жизнедеятельность семей, приносит доход. В среде давних переселенцев в целом профиль их хозяйственной занятости остался прежним — комплексным, земледельческо-скотоводческим. Другое дело переселенцы последних 20–10 лет, активно обустраивающиеся в так называемой Кизлярской зоне, имея зоной выхода самые отдаленные горные районы — Цумадинский и Цунтинский. Для выживания они сосредоточили хозяйственную активность на разведении скота, так что в итоге, по выражению тамошних русских старожилов, как, впрочем, и кумыков, скот сожрал огороды, виноградники и т.п. В данном случае очевидно переключение переселенцев на другой вид хозяйственного самообеспечения (не новый в принципе, так как это оказалось результатом существенной корректировки традиционной модели хозяйствования) и проявление элементов конфликта социокультурного порядка между переселенцами-«скотоводами» и земледельцами — коренным и старожильческим населением.

В условиях нового расселения подверглась существенной деформации и общинная солидарность. Только в сравнительно небольшом числе населенных пунктов равнинной зоны, в которые в свое время были полностью переселены практически все жители конкретных горных селений, могли воссоздаваться, да и то в существенно скорректированном виде, условно общинные порядки и соответствующий строй жизни. К числу таких селений относится Сиух Хасавюртовского р-на, жители которого как раз и проявили такую в 1999 г., когда произошло вторжение в Дагестан боевиков из Чечни и возникла опасность разрастания военного конфликта. Тогда сиухцы вооружились, ввели патрулирование, и в целом на зависть соседям проявили единодушие в решениях и действиях. Правда, через несколько лет о единстве среди них говорить уже стало нельзя, так как они раскололись на почве религиозных убеждений (впрочем, такое случалось и случается и в горных общинах). Коллективную солидарность проявляют и жители сел. Нов. Костек — переселенцы из даргинского с. Санамахи, но обусловлена она, пожалуй, главным образом их конфронтацией с жителями старинного кумыкского сел. Костек, на чьих землях они в свое время были поселены.

В большинстве селений переселенцев солидарность жителей может актуализироваться только в сложные или критические моменты.

В устройстве селений переселенцев отсутствует такой значимый элемент организации традиционного общинного пространства как *годекан* — площадка для обсуждения общественных вопросов и проведения досуга мужчинами. Точнее, площадку как таковую практически везде имеется, однако ее функции социально не нагружены — «так как для мужчин здесь всегда имеется работа, не то, что в горах», и потому люди вместе собираются редко, общение между ними становится прерывистым, так как и интересы обособленными. В свою очередь и тухумные связи утрачивают актуальность даже в тех населенных пунктах, где проживают выходцы из одного селения (например, в Серебряковке Кизлярского р-на, в котором проживают выходцы из с. Гадири Цумадинского р-на).

Разрушение прежних устойчивых социальных связей обуславливает и то, что проявления соревнования/соперничества имеют место, но в силу нового в качественном отношении витка индивидуализации жизни демонстрация «успеха» утрачивает ту сторону публичности, которая выглядела важной в старых горных селениях. Даже отсутствие в новых селениях *годекана* как публичного места, где велись пересуды о победах и поражениях, влияет на это. «Успехи» односельчан «в деле» можно наблюдать через домостроение. В той же Серебряковке, где имеется немалое количество достроенных или наполовину построенных больших кирпичных домов — это владения тех, кто браконьерствует на Каспии. Подобное занятие приносит хорошие деньги, однако оно рискованное — кто гибнет от непогоды в море, кто от рыбнадзора. Однако Серебряковка в целом нетипичный пример. Наглядное представление о том, как соседи «соревнуются» в возведении роскошных зданий, можно наблюдать в предгорных и в некоторых горных районах, где особняки и их владельцы открыто и активно конкурируют между собой. Отчасти такое положение можно объяснить тем, что владельцами домов являются хорошо устроившиеся в «большом» бизнесе или в госструктурах лица и их родители, а также тем, что возводятся они на родной земле — в горных селениях, что усиливает эффект демонстрации «успеха». Но свое воздействие, на мой взгляд, среди переселенцев оказывает и нарушение устойчивого порядка общественных связей. Допускаю, что со временем и в переселенческих поселках при благоприятных обстоятельствах для предпринимательской деятельности сложится подобный порядок, но пока этого нет, хотя соревнование как таковое имеет место. Оно в том, что вслед за одним рыболовом-браконьером в море отправляется другой, третий и т.д. Оно в том, что в 1990-е гг. в города России за «удачей» отправлялись группы молодых людей, занимавшиеся рэкетом и другими схожими делами, а в последние годы такие же группы пытаются найти применение своим рукам, которое тоже часто сопряжено с риском, хотя бы в том же мелком бизнесе.

Риск был включен в традиционную систему социализации личности мужского пола, а через это и в модель культуры. Можно сказать, что

в определенной мере он импонирует и современным дагестанцам в качестве фактора мобилизации личности. Предпринимательская активность, проявляемая кавказцами и часто неодобрительно или даже враждебно оцениваемая представителями других культур, — из этого социокультурного поля. Но примечательно, что за последние десятилетия существенно изменились представления о сферах его проявления, равно как и возможной деловой активности. Если в 1980-е гг. мне неоднократно приходилось слышать от жителей отдаленных горных (аварских) районов Дагестана нелестные высказывания в адрес лезгин, которые якобы активно занимались торговлей (переняв подобный опыт от азербайджанцев, а те в свою очередь от персов), что не соответствовало их собственным представлениям о допустимых занятиях для мужчин, и потому они якобы и в целом, в поведении и характере лишены мужественности, точнее надлежащих горцу черт маскулинности, то в настоящее время торговлей разнообразными товарами занимаются многие и многие горцы, правда, в большинстве случаев за прилавком или на рынке стоят женщины. Торговля сопряжена с финансовым риском, так что особо удивительного во включении ее в своего рода реестр допустимой для мужчины деятельности оказывается не так уж и много.

Таким образом, можно говорить, что не только поведенческие стереотипы меняются, но происходит и изменение идентичности, повторы, социокультурной. Старая ее модель, и в настоящее время достаточно активно пропагандируемая литературой, в том числе учебной, в реальности трансформируется, заменяя старые важные и даже структурообразующие элементы-слагаемые новыми. Вполне закономерно, что подобные изменения более активно происходят среди переселенцев, сфера общения и контактирования которых с инокультурным миром шире. В Кизлярской зоне она сосредоточена на общении с русским или русскоязычным населением. Можно отметить несовпадение трансформаций некоторых поведенческих стереотипов и социокультурной идентичности (на личностном и групповом уровнях), в частности на таких примерах. Многие русские отмечают в поведении своих хороших товарищей из числа горцев такую черту: когда мы с ним одни — он разделяет мои взгляды, но стоит появиться его землякам, он сразу же принимает их сторону, становится на их позицию. Отдание долга групповой солидарности?

По словам священника церкви св. Георгия в г. Кизляре, за последние годы в Кизлярском и Тарумовском р-нах приняло православие 6–7 десятков дагестанцев, но они скрывают это от своих родственников и соседей, так как с их стороны подвергнутся остракизму. Проверить эти сведения, тем более цифры трудно, но зная людей — жителей горных селений, которые хотели сменить веру, но не сделали этого, полагаю можно доверять сведениям священника. А они определенно говорят о процессе изменений идентичностей, в данном случае индивидуальных.

Очевидно, что соответствующие изменения будут продолжаться. Однако наличие зримой альтернативной социокультурной идентичности, а именно условно «русской/европейской», которая не может быть однозначно принята и воспринята дагестанцами, будет обуславливать репрезентацию последними себя горцами, а через это придерживаться и определенных стереотипов, в том числе поведенческих. В свою очередь уменьшение доли русского населения в равнинной зоне Дагестана может способствовать консервации внешних атрибутов идентичности и характерных элементов стереотипов.

С.С. Ежменцев

**ТАДЖИКСКИЕ РАБОЧИЕ В АЗИАТСКОЙ РОССИИ
В НАЧАЛЕ 2000-Х ГГ.
(НА ПРИМЕРЕ Г. БАРНАУЛА АЛТАЙСКОГО КРАЯ):
ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ
ПРИНИМАЮЩЕГО ОБЩЕСТВА И МИГРАНТОВ**

Выходцы из Центральной Азии, выполняющие тяжелую и низко квалифицированную работу — обычное явление российских мегаполисов. В общественном сознании большинства российских граждан формируется собирательное, чаще негативно-стереотипное, представление о народах бывших республик СССР, обладающих богатейшей историей и культурой. Проблема осложняется и тем, что этнокультурные различия в среде, гомогенность которой призван гарантировать ислам, занимают весьма существенное место в межнациональном диалоге всех уровней. В данном сообщении на основе наблюдения и интервьюирования рассматриваются этнические стереотипы в группе таджикских трудовых мигрантов и особенности восприятия этой группы жителями г. Барнаул Алтайского края.

Количественный и возрастной состав этой группы периодически меняется, постоянными же и объединяющими ее членов факторами выступают только этническая и географическая принадлежность респондентов. Это молодые люди до 35 лет, с разным образовательным и социальным статусом, объединенные стремлением достичь матери-